

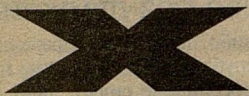
Сегодня. - 1996. - 7 февр. - с. 10

19

Европе — европейское

Российские стипендиаты во Франкфурте

Елизавета Плавинская

художественная стипендия фонда Йоргена Пона выдается обычно выпускникам немецких академий. В результате активности ныне практически не существующего АРТ-мифа два года назад эту стипендию получили русские художники.

Немецкой стороной был запрошен расширенный список претендентов — российская (московская) сторона остроумно заменила список на несколько коротких, зато составленных крупнейшими экспертами: Виктором Мизиано, Георгием Никичем и Александром Якимовичем, представляющими соответственно Центр современного искусства, АРТ-миф и независимую критическую экспертизу. Победившие в «конкурсе» Алёна Кирцова и Гия Ригвава приглашались на четыре с половиной месяца во Франкфурт с последующей организацией персональных выставок. Индивидуальные программы пребывания не предполагали никаких сопоставлений. Да и вряд ли кто взял бы на себя смелость объединить двух столь разных художников.

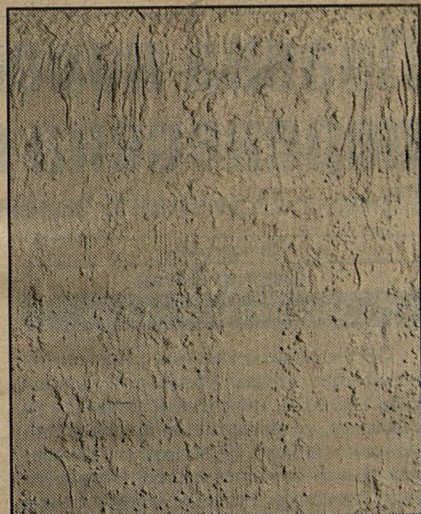
Алёна Кирцова участвует в выставках с 1978 года. Экспрессивный стиль ее живописи памятен по относительно недавним экспозициям в Русском музее (Петербург) и Музее архитектуры (Москва). Будто сама стихия живописи превращает выбираемые ею для изображения объекты (стены, лестницы, облака и фонтаны) в форму абстрактной картины. Тем не менее лишь вид этих произведений абстрактен, тогда как и объекты, и чувства, инициировавшие обращение к ним, — определены, но передаются не словом-предметом, а ритмом и колоритом. Нарращивание красочной массы — удельного веса произведения (т. е. потребность в брутальности) — определяет

ся стремлением к осязаемой вещественности картины, а не изображаемой вещи.

Гия Ригвава — дипломат по первому образованию, художник по второму, арт-директор грузинских независимых фильмов, профессор Академии художеств в Тбилиси. С 1992 года живет в Москве. Сотрудничает с галереей М. Гельмана и Центром современного искусства. В видеоинсталляциях точит искусство философией, ловит в силки премудрости Ролана Барта, пленяет телевизионной рамой ускользающее изображение или (в более ранних объектах) почти небрежно, но очень точно бросает образ в шель зеркала: отсюда не улизнешь.

Первоначально предполагавшееся для экспозиции пространство «Дрезднер банка» было в результате подключения к программе дружественного Москве муниципалитета Франкфурта заменено на более посещаемое, городское (Кармелитеркlostер), но — единое для обоих художников. Четыре стены выставочного зала мудро разделены так (сохранив красоту архитектуры), чтоб достоверно создать самостоятельные экспозиции. Гениально простое решение (автор — Юрий Аввакумов) — зал в зале. Общая длина выстроенного посередине коридора шитов равна периметру стен. Брутальное и стихийное, но классично-картинное «снаружи» — истонченное и умозрительное, эстетно элитарное (маргинальное) «внутри». «Обязательная» поделка уравнивает в правах картон и камень, лишь другой угол наклона стен в шитовом коридоре обозначает разницу атмосферы.

В московской практике художники разных направлений существуют будто на разных планетах со «своими» выставочными пространствами, узкоспециальной экспертизой, тренированным зрителем. Своеобразному табу на произвольное комбинирование Имен не подвержены только московские и всесоюзные выставки (в прошлом) и художественные ярмарки (пока в прошлом). Выс-

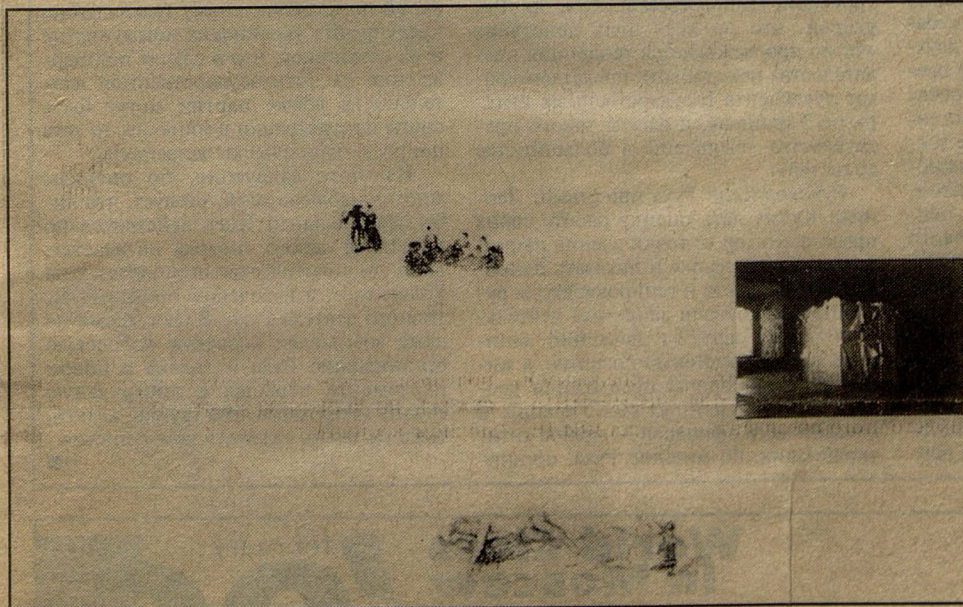

КИРЦОВА. ФОНТАН IV

тавка во Франкфурте волею случая преподнесла чудесное исключение. Здесь выбор определялся, с одной стороны, панорамно-этнографическим интересом немцев к представителям разных направлений «незнакомой» культуры. С другой — наличием опыта работы художников на интернациональной сцене, то есть возможностью грамотного представительства страны в Европе, определившей выбор российских экспертов.

Вряд ли эта выставка оправдала ожидания характерно национального от приглашения иностранных художников — получилась «просто» демонстрация качественно общеевропейского как на уровне представленного искусства, так и его репрезентации. Для Москвы же выставка Кирцовой и Ригвавы в одном помещении выглядит проявлением «плюрализма (забытое слово! — Е. П.)» стилей, что представляется желанным теперь более, чем когда были написаны эти слова о тех же художниках (журнал «Творчество», 1989, Леонид Бажанов и Валерий Турчин, «Риторика тотального сомнения»).

Наивно полагать, что проницаемость внутренних границ, когда-то отмененных всеобщим равенством перед жесткостью арт-рынка, будет возвращена нам вновь инициативой «извне». Удивительное сочетание произведений Алёны Кирцовой и Гии Ригвавы, осуществившееся на немецкой выставке, — не только результат случая: оно все-таки было подготовлено позицией российской стороны. Главное событие выставки — состоявшийся внутренний диалог, в который каждая из сторон внесла лучшее, что имела. Результат — объемность и качественность представительства. Участникам по вполне понятным причинам хочется думать, что единого художественного впечатления как бы и не было. И все-таки витальная сила живописи в соседстве с дипломатически сложными объектами обращает более пристальное внимание на философские пласты в формотворчестве Алёны Кирцовой. И наоборот: некоторым образом делает более осязаемым общехудожественные истоки искусства Гии Ригвавы.

РИГВАВА. В ЦЕНТРЕ — МОТИВ ВАТТО